

СЕКЦИЯ 6

«ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

СОДЕРЖАНИЕ

МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ Гоптарева И.Б., д-р полит. наук, доцент	688
К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ ЕВРАЗИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ Карабаева К.Д., канд. филос. наук.....	694
ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН ОТ НАСИЛИЯ В РОССИИ Карабаева К.Д., канд. филос. наук, Матросова Е.А.....	698
ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: ПОНЯТИЕ, СРЕДСТВА И ТЕХНОЛОГИИ Кудашова Ю.В., д-р полит. наук, доцент	702
ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЁЖИ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА Кужабекова Ж.С., Приказчикова О.В., канд. истор. наук.....	707
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ Ляшенко П.В., канд. филос. наук, Ляшенко М.Н., канд. филос. наук.....	714
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ Никитина Т.А., канд. полит. наук, доцент	717
ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК КОНЦЕПТ Терентьева И.А., канд. пед. наук, доцент	725
ОБРАЗОВАНИЕ КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ФИНАНСОВОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Черепова И.С.	728

МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ

**Гоптарева И.Б., д-р политических наук, доцент
Оренбургский государственный университет**

Под легитимностью в данном случае понимается одобрение населением существующего политического порядка, признание общепринятых правил и норм, обеспечивающих демократическое управление. В политико-социальном контексте понятие легитимности обычно означает доверие к существующей политической системе. Признание достоинств управляемых через действия управляющих, опосредованные гарантией прав граждан, даже в случаях их ограничения, соблюдение государством определенных принципов и ценностей, поддерживаемых большинством, отличает легитимность от легитимации — нормативно-правового подтверждения официальной власти [4, с. 19].

К критериям легитимности демократической системы, как правило, относят, во-первых, механизм принятия решений, предоставляющий равные возможности для управляющих и управляемых; во-вторых, принцип политического равенства, обеспечивающий аутентичное включение интересов управляющих и управляемых; в-третьих, прозрачность принятия решений, позволяющая обеим сторонам осуществлять взаимный контроль над намерениями и действиями друг друга.

Одна из известных теорий легитимной демократии, основанная на идее «народного правления», предполагает, что ее реализация возможна лишь при условии перманентного согласия и политического участия большинства граждан. Это достижимо также, в случае соблюдения принципа справедливости, выраженного категорическим императивом И. Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства» [1, с. 347].

В политическом и социальном контекстах понятие легитимности обычно означает доверие к существующему политическому управлению или конституционно-общественному строю. При этом возникает вопрос, каким образом происходит «узаконивание модели легитимности, признание фактической легитимности и соблюдение нормативных традиций» [3], особенно в случаях, когда отношения власти, её формы и социальное неравенство имеют законодательное основание. Иначе говоря, что же лежит в основании легитимности на «выходе», оправдывающего социальное неравенство, и обладает ли такой порядок легитимностью, с учетом того, что условием допущения или вынужденного принятия социального неравенства в современных рыночно-ориентированных индустриальных обществах является принцип меритократии, тесно связанный с идеей обеспечения справедливости при распределении товаров, вознаграждений или должностей [8]. В соответствии с классической концепцией М. Янга (1958), согласно меритократическому принципу, товары (включая доход), должности, а также и

власть, должны распределяться в соответствии с интеллектуальными достижениями и способностями, а не в соответствии с объективными характеристиками, такими, например, как социальное происхождение, раса, национальность и т.п. [6, с. 154], что редуцирует легитимность на «выходе».

В вопросах легитимности часто проводится различие между легитимностью данных «входа» и легитимностью данных «выхода». Легитимность результатов на «выходе» основана на признании уже полученных результатов, в то время как легитимность на «входе» понимается как оказание доверия априори. Эти вопросы способствуют прояснению соотношения двух моделей легитимности.

Модели «входа/выхода» помогают определить результативность политической системы через такие измерители как:

- саморегуляция системы (гарантия безопасности);
- способность к адаптации в случае изменения системы или изменения запросов граждан;
- уровень политического участия;
- действенность верховенства права (соблюдение процедурных правил, независимые судьи);
- гарантии безопасности, защиты прав и свобод и т.д.

Исходя из этой модели, политическую результативность можно дефинировать как ценностный результат политического процесса. При этом результативность системная и демократическая различаются. Каждая политическая система должна приносить обществу какие-то позитивные результаты (социально-экономические успехи, достижения в принятии решений, востребованных обществом и т.д.), способствующие её дальнейшему развитию. Эти результаты способны как усиливать (приносить пользу) демократию, так и ослаблять ее. В этом смысле результаты «на выходе» могут конкурировать с другими формами власти-принуждения.

Рост экономики как один из главных показателей достижения гарантии внутренней и внешней безопасности, характеризует системную результативность. В этом случае для демократии более важен процесс принятия коллективных решений, а не результаты, достигаемые любыми способами, в том числе и принудительными, вызывающими негативное восприятие населением, например, политики «затянем пояса потуже... завтра будет лучше». Поэтому, чем больше процесс (способы) принятия решений соответствует ценностям демократии, тем больше его демократическая результативность. Практика государств «народной демократии» показала, что если политическая система не генерирует определенные достижения, способствующие ее признанию, легитимности, она слабеет, подвергается «коррозии». Авторитарная легитимация, основанная на применении диктата, страха перед санкциями, только в том случае может обеспечить политическую результативность, если она основывается на необходимости соблюдения законов как управляемыми, так и управляющими.

Либерально-демократическая легитимность политической системы опосредуется исключительно верховенством права. Если при реализации власти «вход» в политическую систему не обеспечен верховенством права, базовыми демократическими принципами, то результативность решений на «выходе» (даже в случае невысоких запросов и требований граждан) будет ничтожна. Если принципы правового государства (а они, как известно, могут приходиться в противоречие с демократическими принципами, например, права меньшинств и др.) и принципы демократии дополняют друг друга, то это сочетание обеспечивает равновесие основ легитимности: возможный дефицит одного из элементов может быть заменен в данном случае другим элементом.

Примеры социалистических стран показали, что нарушение принципов правового государства и демократии резко снизило политическую результативность, т.е. нарушение прав и свобод граждан, репрессии, гонения, «закручивание гаек» и т.п. не улучшают «механизм обратной связи» между «входом/выходом», напротив, увеличивают пропасть между ними. Поэтому для предотвращения системы от распада необходимы позитивные успехи, достижения, и в этом смысле государство (если оно ориентировано на рост благосостояния, процветание), нуждается в легитимности, возможно даже больше, чем в легитимации, под которой в данном контексте понимаются обстоятельства, оправдывающие применение государством принуждения и даже насилия в своей деятельности. В авторитарном государстве политическая несвобода должна компенсироваться социальными гарантиями и ростом благосостояния граждан. Из-за дефицита легитимности, например, советское руководство было односторонне нацелено только на экономический успех, т.е. только на «выход», но как только экономические ресурсы были исчерпаны, политическая власть рухнула. Известно, что и западно-демократические системы тоже знают времена экономического застоя и упадка, но при сохранении определенного уровня легитимности на «входе» (хотя бы свобода мнений), системы выдерживали экономические потрясения. Так, Р. Дарендорф в «Рассуждениях о революции в Европе» отмечал, что британская конституционная система, несмотря на довольно длительный экономический спад, в 1970-1980-е годы, сумела сохранить свою легитимность благодаря демократической процедуре политического участия [2]. Это подтверждает тезис, что наличие альтернативных источников легитимации в виде ресурсов общества (гражданское общество, неправительственные организации и т.д.), дают возможность системе восстанавливаться и развиваться дальше, и говорит о том, что, с одной стороны, между «входом» и «выходом» должен быть баланс, они должны быть ориентированы друг на друга, с другой, – указывает на системно обусловленное преимущество демократии, гарантирующей условие оптимального сочетания моделей легитимности.

К основным компонентам легитимности «входа» можно отнести такие, как процесс принятия решений, политическое участие, оптимальная демократизация, становление правового государства. В этом случае

компонентами на «выходе» становятся эффективное разрешение проблем, социальное государство, рыночная экономика, рост благосостояния населения.

При «входе» на первом месте стоит качество принятия решений (насколько прозрачен этот процесс, виды контроля, их исполнение) и качество политического участия (каковы каналы продвижения интересов, требований и т.д., насколько они открыты/закрыты, насколько равны шансы для различных групп населения в продвижении своих интересов. Иначе говоря, «вход» служит для «перемещения» принципов демократического и правового государства в направлении от общества к центру политической системы.

На «выходе» остановится ясно, насколько результативны решения проблем, т.е. насколько они отвечают запросам граждан. Здесь на первом месте стоят принципы социального государства, рыночной экономики и благосостояния. Если принципы, сформированные на «входе/выходе» реализуются, то политическая система легитимна. Определить основы политических изменений (результативности) можно по следующим факторам.

1. Социо-экономический фактор: ориентация на культурную (а не только технологическую) модернизацию и демократизацию, улучшение здоровья населения, качества образования, горизонтальные коммуникации граждан, освобождение от клиентелистских отношений. Практика показывает, насколько взаимосвязаны и взаимообусловлены процессы культурной модернизации и демократизации и социо-экономического поступательного развития при условии их сбалансированности.

2. Политико-институциональный фактор: изменение политических институтов (government — governance /от правительства к управлению). Гуманизация управления предусматривает три элемента — экономический, этический, институциональный как сферы абсолютизации верховенства права и строгого соблюдения формальных правил.

3. Фактор амбивалентной природы политических партий, представляющих, с одной стороны, многообразные интересы различных слоёв населения, и согласно своим партийным программам агрегирующих их для лучшего понимания запросов и требований избирателей (партийный плюрализм), а с другой, — на основе своей доминирующей роли политического актора системы они фактически устанавливают монополию на демократическую легитимность в качестве парламентских партий, что сокращает легитимность на «выходе» [5, с. 14-15].

4. Фактор властных ресурсов организованных интересов: группы давления оказывают интенсивное влияние на легитимацию «входа»/»выхода» через а) артикулирование интересов в процессе политического волеобразования, б) агрегирование интересов как альтернативы участия в политическом процессе принятия решений, в) посредничество в продвижении важнейших интересов как для членов своего сообщества, так и за его пределами — различных политических структур.

Исследование А. Лейпхартом типов демократии показало, что они бывают разные и с различными структурами, в связи с чем, он выделил мажоритарный и консенсусный типы. Разные типы оказывают и разное влияние на изменение (политическую результативность): например, мажоритарная демократия — стабильнее и экономически эффективнее, чем консенсусная демократия; консенсусная демократия измеряется избирательной (добровольной) активностью, участием женщин во власти, политическим равенством, политическим участием и т.д. (по сути, это измерители качества демократии). Мажоритарная демократия, по мнению Лейпхарта, более подходит для гомогенных обществ, а для гетерогенных с многочисленными линиями разделения и сферами напряжения, конфликтов — консенсусная демократия [7]. Главным элементом этой концепции является «цепь легитимации», выраженная двумя формами — институциональной и функциональной. Цель «цепи легитимации» заключается в обеспечении контроля общества над политической властью для эффективного влияния на ее реализацию.

Институциональная легитимация требует, чтобы каждое должностное лицо, которому поручено выполнение государственных обязанностей, был косвенно узаконен народом через непрерывную цепочку индивидуальных обращений. Функциональная или материально-содержательная легитимация, напротив, требует, чтобы осуществление государственной власти по своему содержанию отражало требования общества, что должно быть гарантировано демократической подотчетностью правительства и четким выполнением им предписаний и инструкций. Таким образом, легитимация исполнительной власти должна стать структурным принципом демократии.

Список литературы

1. Кант, И. Критика практического разума [Текст]. Сочинения в шести томах.- М.: «Мысль», 1965. (Философ. наследие).- Т. 4. Ч. I. - 544 с. - С.311-501.
2. Dahrendorf, R.G. Betrachtungen über die Revolution in Europa. DVA, Stuttgart, 1990. 159 S.
3. Forst, R., Günther, K. Die Herausbildung normativer Ordnungen. Zur Idee eines interdisziplinären Forschungsprogramms. Frankfurt a. M., 2010. Режим доступа:
http://publikationen.unifr Frankfurt.de/files/8125/ForstGuentherDie_Herausbildung_normativer_Ordnungen._Zur_Idee_eines_interdisziplinaren_Forschungsprogramms.pdf. (Дата обращения: 24.04.2019).
4. Hennis, W. Legitimität, in: Merkur. Januar 1976, 30. Jahrgang, Heft 332, pp. 17-36.
5. Kruse, J. Das Monopol für demokratische Legitimation und seine Überwindung / Stefan Bayer und Klaus W. Zimmermann (Hrsg). Metropolis: Marburg, 2008. 53 S.

6. Legitimität Gesellschaftliche, politische und wissenschaftliche Bruchlinien der Rechtfertigung / M. Dammayr, D. Grass, B. Rothmüller (Hg.) / [transcript] Sozialtheorie, Bielefeld, 2015. 367 S.

7. Schmidt, M.G. Vier Welten der Demokratie. Ein Kommentar zu Arend Lijpharts Neubearbeitung von Patterns of Democracy (2012). Varieties, Crises, and Innovations of Democracy. An International Symposium to honour Gerhard Lehbruch on the occasion of his 85th birthday Berlin, 3. Mai 2013. Режим доступа:

<https://www.nomos-shop.de/assets/downloads/9783848719198 lese01.pdf>. (Дата обращения: 26.04.2019).

8. Zippelius, R. Wege und Irrwege zur Gerechtigkeit. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur / Geistes- und sozialwissenschaftliche Klasse. Mainz. Band 2003. 19 S. Режим доступа: <http://www.kostasbeys.gr/articles.php?s=5&mid=1479&mnu=3&id=16855>. Дата обращения: 30.04.2019.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ ЕВРАЗИЙСТВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОЛИТИКИ

**Карабаева К.Д. канд. филос. наук
Оренбургский государственный университет**

Понятие «евразийство» на современном этапе социально-гуманитарного знания трактуется и раскрывается в различных аспектах. Во-первых, евразийство представлено как геополитическое учение, содержание которого выражает идея географической особенности «срединной части» Евразии, при этом выделяется общность исторических судеб населяющих ее народов, имеющих единое экономико-политическое будущее [1, с. 232]. Во-вторых, определение евразийства предстает в культурологическом аспекте, где решающую роль играет идея России как особого культурного мира, синтезирующего духовные основы Западного и Восточного миров [2, с. 224-225]. В-третьих, существует точка зрения о том, что евразийство – это особого рода течение, которое не принадлежит ни историческим, ни философским, ни политическим направлениям, а являет собой полидисциплинарное течение, сформированное представителями разных научных сфер [3, с. 80]. В-четвертых, евразийство трактуется как идейно-философское направление и общественно-политическое учение, соединяющее три различные мировоззренческие установки, разработанные П.Н. Савицким, Н.С. Трубецким, Г.В. Флоровским, а также выделяется идея доминирования особого евразийского учения, имеющего глубокие корни с традициями русской религиозно-философской мысли [4, с. 165]. В-пятых, евразийство предстает в качестве историософского учения, в котором были намечены основные контуры теории государства и права, нуждающиеся в дальнейшем развитии [5, с. 84]. Как отмечает профессор В.А. Томсинов: ««Евразийская» теория государства и права — одно из наиболее значительных достижений той ветви русской юриспруденции, которая развивалась в 20-30-е годы XX века русскими правоведами-эмигрантами. Данная теория разрабатывалась в рамках «евразийства» — историософского учения» [5, с. 84].

Классическими основателями евразийства являются Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Г.В. Флоровский, П.П. Сувчинский. В августе 1921 года в г. Софии вышла в свет коллективная монография под общим названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». В 1923 году к евразийцам присоединился философ Л.П. Карсавин, который стал разрабатывать теорию симфонической личности в русле религиозной традиции русской философии. Евразийцами были созданы научные работы, посвященные философии, географии, истории отечества, этнической истории народов, теории государства и права, музыкальной тематике, отличающиеся высоким научным уровнем. Это объясняется тем, что участники евразийского движения, как

основатели, так и их последователи, были выдающимися российскими учеными конца XIX середины XX века.

Помимо главных идейных основателей евразийства также выделяются такие ученые как: Г.В.Вернадский – историк и геополитик; Н.Н.Алексеев – правовед, политолог, историк; А.С.Лурье – композитор и музыкальный критик; В.Н.Ильин – историк культуры, богослов; первоначально к евразийцам примыкал и П.М. Бицилли – историк и философ культуры, литературовед.

Фундаментальной основой классического евразийства является идея определения России в статусе России-Евразии, а именно: выделение в историческом, духовном, культурном развитии значимости не только славянства, но и органичности туранских элементов, имеющих особое значение для внутригосударственной жизни России-Евразии, а также и для определения будущего исторического выбора. Так, например, П.Н. Савицкий, определяя особенность евразийства, пишет: «Формула евразийства учитывает невозможность объяснить и определить прошлое, настоящее и будущее культурное своеобразие России преимущественным обращением к понятию славянства; она указывает – как на источник такого своеобразия – на сочетание в русской культуре европейских и азиатско-азиатских элементов»[6, с.661].

Принимая во внимание то обстоятельство, что сегодня человечество находится в единой динамичной реальности усиления противоборства двух политических процессов: с одной стороны, происходит борьба за поиск и сохранение национальной и (или) культурной идентичности, а с другой стороны, набирает ход глобализация, связывающая рынки, деньги, информацию в единую систему[6, с. 661]. Отметим, что первая тенденция даёт духовно-энергетическую основу для обоснования национальных концепций государства с выделением значимости определенной нации, а также и религиозных концепций государства с выделением мессианской идеи сохранения цивилизации и человека в режимах православия, католичества или мусульманства. Вторая мировая тенденция опирается на прагматическую точку зрения с выделением значимости эффективности результата, направленного на коммерческие и (или) потребительские интересы. К существенным характеристикам второй тенденции относятся развитие «высоких» информационно-коммуникационных технологий, программных средств. Как отмечают современные авторы, со временем информационные технологии постепенно уравнивают возможности людей разного происхождения и культуры. «В течение многих столетий языковые границы жестко определяли карьерные перспективы конкретного человека и культурные и экономические перспективы стран», – считают глава информационно-аналитической компании Seldon И.Д. Димитров и доктор юридических наук А.В. Яковенко, «а сегодня быстро развивающийся машинный перевод размывает эти границы (кстати, визуализация контента также делает его универсально понимаемым)»[7, с. 213]. В то же время, по мнению специалистов, сегодня лидирующее положение в информационном и культурном пространствах постепенно переходит к странам

«азиатского мира». Доминирующее положение среди которых принадлежит Китаю. Об этом свидетельствуют успехи китайских ИТ-компаний, ряд передовых технологий которых в электронной торговле и обработке «больших данных» уже превзошли западные наработки [7, с. 213].

В новой динамичной реальности функционирования современных государств российское общество, как нам представляется, должно сохранить в качестве направления будущего развития реализацию концепции правового государства; защитить ценность права как основного регулятора общественных отношений, обеспечивающего правомерное поведение и правовую активность во всех сферах жизни; принять евразийский взгляд на общественный и государственный строй в качестве мировоззренческого содержания, обеспечивающего согласование интересов различных субъектов общественной и государственной жизни с выделением базовой ценности безопасности личности, народа, государства.

Как справедливо отмечает профессор Марков Б.В.: «Необходимо создавать такие общественные пространства, в которых бы люди чувствовали себя народом, публикой, гражданским обществом, но не массой, как в супермаркете или в общественном транспорте. Это заставляет критически переосмыслить сложившиеся понятийные схемы и модели описания цивилизационного процесса, которые скорее мешают, чем помогают увидеть новые формы взаимодействия культур. Необходимо критически проанализировать наиболее распространенные ответы на вопрос, как люди могут жить в мире, соотнести их с условиями современности и раскрыть новые возможности диалога цивилизаций» [8].

В евразийстве для современной российской действительности актуальны как идеи определения евразийского аспекта внутригосударственной жизнедеятельности, так и геополитической стратегии для России-Евразии. Однако особую значимость приобретают евразийские принципы, которые могут стать основой для перехода от либеральных идей потребительского общества к идее наднациональных ценностей, имеющих евразийский контекст.

Список литературы

1. Грицанов А. А. Евразийство // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998.
2. Кондрашов В. А. Евразийство // Новейший философский словарь. Ростов-на/Дону : Феникс, 2005. С. 224-225.
3. Жданова Г. В. Историософия евразийцев в современных публикациях // История мысли. Русская мыслительная традиция. М., 2003. Вып. 2. С. 80.
4. Кошарный В. П. Евразийство // Русская философия : энциклопедия / под общ. ред. М. А. Маслина. М. : Алгоритм, 2007.

5. Томсинов В. А. Правовая мысль русской послереволюционной эмиграции : «Евразийская» теория государства и права Н. Н. Алексеева // Законодательство. 2002. № 3. С. 84.
6. Савицкий П. Евразийство // Классика геополитики. XX век : сб. / сост. К.Королев. – М. : АСТ, 2003. – 731 с.
7. Яковенко, А. В. Цифровой мир : контуры будущего / А. В. Яковенко, И. Д. Димитров // Контурсы будущего в контексте мирового культурного развития : XVIII Междунар. Лихачев. науч. чтения, 17–19 мая 2018 г. – СПб. : СПбГУП, 2018. – 628 с. – ISBN 978-5-7621-0990-1.
8. Марков, Б. В. Россия между Западом и Востоком [Электронный ресурс] / Марков Б. В. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. XV, вып. 2. С. – 30-38. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/markov-bv/rossiya-mezhdu-zapadom-i-vostokom> (дата обращения: 1.02.19).

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН ОТ НАСИЛИЯ В РОССИИ

**Карабаева К.Д. канд. филос. наук, Матросова Е.А.
Оренбургский государственный университет**

В эпоху, когда мир обеспокоен поиском стратегии устойчивого развития современной цивилизации [1], женщины являются естественной и неотъемлемой частью человечества. Вопрос их статуса и места в обществе и государстве всегда являлся актуальным. Сегодня гендерное равенство и партнёрство между мужчинами и женщинами являются свидетельством высокого уровня правосознания и правовой культуры современных государств. Однако тема насилия над женщиной на сегодняшний день остается актуальной для многих стран. Искоренение данной проблемы – приоритетная задача современных обществ, где существуют подобные явления, потому что это не только вопрос имиджа и уровня культуры страны, но и свидетельство антропологического кризиса.

На международном уровне гендерные вопросы были поставлены на повестку дня ООН в рамках Международного года Женщин в 1975 г. Десятилетием Женщин объявляет ООН 1975 – 1985 гг. В последствии стали проводиться важные международные форумы по вопросам женщин - это конференции ООН по делам женщин - в Мехико (1975 г.), Копенгагене (1980 г.), Найроби (1985 г.), Пекине (1995 г.). В 2000 году была проведена специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН «Женщины в 2000 году: равенство между мужчинами и женщинами, развитие и мир в XXI веке».

Важным международным актом является Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979 г), в которой вновь напоминает, что дискриминация женщин нарушает причины равноправия и уважения человеческого достоинства, препятствует участию женщины наравне с мужчиной в политической, социальной, экономической и культурной жизни своей страны, мешает росту благосостояния общества и семьи и еще больше затрудняет полное раскрытие возможностей женщин на благо своих стран и человечества [2]. Последующим шагом международной работы по закреплению и охране прав женщин стало утверждение 20 сентября 1993 г. Генеральной Ассамблеей Декларации по искоренению насилия в отношении женщин (далее Декларация).

К сожалению, современная женщина, всё также как и в историческом прошлом человечества, является уязвимой под давлением со стороны представителей мужского пола, семьи, традиции, религии, политики, обыденного общественного сознания. Наиболее явным нарушением естественных прав человека является насилие в отношении женщины, имеющее различные формы и виды. Понятие насилия раскрывается в ст. 1 Декларации и определяется как: «любой акт насилия, совершенный на основании полового

признака, который причиняет или может причинить вред физическому, половому или психическому здоровью женщины или страдания, включая угрозы относительно такого акта, принуждение или самовольное лишение свободы, где бы оно ни происходило – в общественной или частной сфере» [3].

Согласно ст. 3 Декларации женщины пользуются равными правами в отношении осуществления и защиты всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской и любых других областях. Эти права включают, в частности: право на жизнь; право на равенство; право на свободу и личную неприкосновенность; право на равную защиту в соответствии с законом; право не подвергаться дискриминации в какой бы то ни было форме; право на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья; право на справедливые и благоприятные условия труда; право не подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания.

Насилие относится к категории нарушений прав человека, к которому должно быть обращено усиленное внимание со стороны общества и государства. Среди существующих негативных факторов, влияющих на положение женщины в современной действительности постсоветского пространства, является доминирование патриархальных подходов и укоренившихся стереотипов о роли женщины в семье, которые сказываются на ее возможностях в области образования, занятости, участия в политической и общественной жизни.

Современные российские авторы отмечают необходимость принятия срочных мер по правовой охране современной женщины в России, а именно:

- создание обширной и комплексной законодательной базы, обеспечивающей целый охват различных форм насилия в отношении женщин;
- участие в согласовании национальных законодательств о криминализации деяния насилия в отношении женщин в качестве наказуемых в уголовном порядке;
- содействие в представлении в средствах массовой информации положительного образа мужчины и женщины как полноправных партнеров, которые вместе воспитывают своих детей, а также борьба с попытками средств массовой информации в негативном свете выставлять девочек, девушек и женщин;
- занятие исследованиями и разработка политики и программы, которые изменят отношение и поведение лиц, совершающих акты насилия в отношении женщин в семье и обществе [4, с. 162].

В 2017 году в России была принята национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017 – 2022 годы. Согласно принятому нормативному акту по данным Федеральной службы государственной статистики, на начало 2016 года в Российской Федерации проживали 146,5 млн. человек, из них 78,6 млн. составляли женщины. Это более половины населения страны. Российские женщины отличаются высоким уровнем образования и

значительной экономической активностью. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики, уровень экономической активности женщин в трудоспособном возрасте составляет 77 процентов, доля занятых женщин в общей численности занятого населения - 49 процентов.

Реализация направления деятельности российского государства «Профилактика и предупреждение социального неблагополучия женщин и насилия в отношении женщин» предполагает решение следующих задач: совершенствование законодательства в сфере профилактики семейно-бытового насилия; совершенствование и либерализация законодательства в отношении женщин, находящихся в местах лишения свободы; совершенствование законодательства в целях формирования правовой основы социального сопровождения женщин, освобождаемых из мест лишения свободы.

Решение указанных задач согласно принятой государственной стратегии предполагает реализацию следующих мер:

1. оказание содействия некоммерческим организациям, предоставляющим убежище жертвам насилия и оказывающим им психологическую и социальную поддержку;

2. разработка и реализация мероприятий, направленных на ликвидацию сексуальной эксплуатации женщин, торговли людьми и формирование в обществе непримиримого отношения к таким явлениям;

3. проведение мониторинга эффективности реализации мер по профилактике различных форм насилия, в том числе семейно-бытового и сексуального, в отношении женщин и детей в целях оценки масштабов и быстрого реагирования на факты такого насилия;

4. развитие и укрепление материально-технической базы учреждений, оказывающих услуги женщинам и детям, пострадавшим (страдающим) от насилия в семье, сексуального насилия и других форм насилия, в том числе кризисных центров для женщин как меры безопасности на период разрешения конфликта, в том числе семейного, ставшего причиной насилия и др. [5]

Среди различных форм насилия в отношении женщин наиболее распространенной, к сожалению, является семейное насилие. Под семейно-бытовым насилием в современной юридической науке понимают деяния, совершаемые в результате бытовых конфликтов между лицами, состоящими в брачно-семейных, родственных отношениях, виновные деяния, посягающие на охраняемые уголовным законом семейные отношения (жизнь, здоровье, честь, достоинство и свободу личности). Российские семьи, по оценкам экспертов, в настоящее время признаны самыми агрессивными в мире, что обусловлено обострением социально-экономической обстановки в государстве, алкоголизацией и наркотизацией населения в целом [6, с. 30].

Причиной семейно-бытового насилия в отношении женщины, как правило, являются ссоры, нездоровые взаимоотношения, возникающие вследствие жилищно-бытовой, экономической, социальной, морально-психологической уязвимости современной семьи. Прямое воздействие на положение членов

семьи, а также на состояние семьи в целом, оказывают общественная и политическая нестабильность современных государств. В то же время, на сегодняшний день в признанных на международном уровне относительно благополучных и стабильных странах существует проблема постепенной деградации семейного образа жизни. Такая тенденция находит свое выражение в снижении престижа института семьи, потребности иметь детей, увеличения количества бракоразводных процессов, а также в том, что многие члены общества сознательно выбирают одиночество в качестве наиболее необременительного и удобного образа жизни.

Возвращаясь, к выделенной проблеме насилия в отношении женщины, отметим, что существование насильственных посягательств в семейно-бытовой и иных сферах являются свидетельством наличия множества актуальных проблем социально-экономического, политико-правового, морально-психологического характера игнорирование, которых будет находить свое отражение на положении отдельных категорий населения.

Список литературы

1. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей от 25 сентября 2015 года) [Электронный ресурс] Сайт ООН // Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_discrimination.shtml
2. «Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года [Электронный ресурс] Сайт ООН // Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml
3. «Декларация об искоренении насилия в отношении женщин» (Принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года) [Электронный ресурс] Сайт ООН // Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml
4. Заколдоева Е.В. Права женщин на защиту от различных форм дискриминации // Вестник РУДН, Серия: Юридические науки. – 2011. – №1 – С. 157-163.
5. Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 г. №410-р «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022 годы» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
6. Шикула И.Р. Семейно-бытовое насилие в отношении женщин: проблемные вопросы виктимологической профилактики // Российский следователь. – 2014. – №6 – С.30-35
7. Родина К.В. Искоренение насилия в отношении женщин в свете концепции прав человека // Теория и практика общественного развития. – 2006. – № 2. – С. 17–24.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ: ПОНЯТИЕ, СРЕДСТВА И ТЕХНОЛОГИИ

**Кудашова Ю.В., доктор политических наук, доцент
Оренбургский государственный университет**

Информационные технологии за последние годы качественно изменили современное общество. Средства и каналы, передающие всевозможную информацию, в частности созданную на основе технических компьютерных систем, совершили настоящую революцию в коммуникациях между людьми.

В этой развивающейся информационной среде политические деятели начинают выстраивать новые взаимоотношения, вступают в непривычные для себя контакты, формируют новый стиль общения с властью. Интернет-технологии, создавая виртуальное пространство и общности, предлагают государству и всем заинтересованным сторонам новые способы и методы взаимодействия.

Одной из важных составляющих деятельности политических лидеров является политическая коммуникация. Она позволяет осуществлять взаимодействие политических интересов, наполняя смыслом политический процесс. С помощью коммуникации развертывается логическая последовательность политических событий, создается их сюжетная линия.

Как отмечает Ю.Ю. Петрунин в своей книге «Политические коммуникации», впервые в своем современном значении термин «коммуникация» появился в статье основоположника современной кибернетики Н. Винера. С тех пор это понятие неоднократно видоизменялось, и сегодня, например, под термином «коммуникация» понимают и путь установления контактов между субъектами, и форму их взаимной связи, и сам акт общения, и процесс превращения сведений во всеобщее достояние, а нередко даже частный случай коммуникации — массовую коммуникацию. Аналогичные смысловые оттенки проецируются и на политические коммуникации [1].

В основе общей теории политической коммуникации лежат идеи двух американских научных школ: кибернетического подхода (К. Дойч) и структурно-функционального анализа (Г. Алмонд и Дж. Коулман). Впервые о политической коммуникации в научном плане заговорили в период Первой мировой войны, когда появились первые исследования пропаганды. Теоретические работы и термин «политическая коммуникация» возникли в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Существует несколько подходов к понятию «политическая коммуникация». Среди них можно выделить следующие:

- политическая коммуникация – это непрерывный обмен политическими смыслами между индивидами и между политическими силами общества с целью достижения согласия (Р.-Ж. Шварценберг) [2];

- политическая коммуникация – это постоянный процесс передачи политической информации, посредством которого политические тексты циркулируют между различными элементами политической системы, а также между политической и социальными системами (Л.Р. Посикера) [3];

- политическая коммуникация - весь диапазон неформальных коммуникационных процессов в обществе, которые оказывают самое разное влияние на политику (Л. Пай) [4].

В современной западной науке под политическими коммуникациями в теоретическом плане часто понимают разнообразные социальные контакты, возникающие как в публичной сфере, так и в связи с влиянием участников на политические события.

В целом, политическую коммуникацию можно определить как процесс обмена информацией между политическими деятелями, осуществляемый в ходе их формальных и неформальных взаимодействий.

Каждой политической системе свойственна своя сеть политической коммуникации, в соответствии с возможностями и уровнем развития. В частности, исследователи отмечают наличие прямой связи между уровнем социально-экономического прогресса и развития средств массовой информации. В то же время существует более широкое соотношение между коммуникацией и политическими изменениями. Система коммуникации развивается параллельно политической эволюции.

Не менее важным фактором, оказывающим влияние на политическую коммуникацию, является тип политической культуры. В то же время политическая коммуникация также воздействует на развитие политической культуры, являясь одним из средств ее трансляции. Она воспроизводит нормы и ценности, принятые в данном обществе. Роль, например, телевидения в процессе политической социализации оказывается очень значимой.

Важным аспектом политической коммуникации является смысл взаимоотношений между субъектами политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее реализацию. При использовании различных коммуникативных приемов передается три основных типа политических сообщений:

- побудительные (приказ, убеждение);
- собственно информативные (реальные или вымышленные сведения);
- фактические (сведения, связанные с установлением и поддержанием контакта между субъектами политики).

Кроме типов политических сообщений в системе политической коммуникации выделяют также три уровня информационных потоков:

- обслуживает органы власти и управления (циркулирует в основном служебная информация);
- образует информационную среду деятельности партий, профсоюзов, общественных движений (циркулируют программы, уставы и другая информация);

- обращается непосредственно к общественному мнению, к массовому сознанию, к политическому поведению больших групп людей (этот уровень делает политическую систему открытой, готовой взаимодействовать с гражданским обществом).

Политическая коммуникация выполняет следующие функции по отношению к политической системе и гражданскому обществу:

- информационная – распространение необходимых знаний об элементах политической системы и их функционировании;

- регулятивная – позволяет выработать оптимальный механизм взаимодействия как между элементами политической системы, так и между политической системой и гражданским обществом;

- функция политической социализации – формирование важных и необходимых норм политической деятельности и политического поведения;

- манипулятивная – формирует общественное мнение по острым политическим проблемам.

Итак, политическая коммуникация является одной из важнейших составляющих всех видов политических процессов. Направленность политико-коммуникационных процессов, их ориентация на диалог и достижение взаимопонимания, доминирующие ценности, передаваемые каналами информации, определяют уровень стабильности и эффективности политической системы.

Под средствами политической коммуникации традиционно понимаются определенные организации и институты, функционирующие в рамках социальной и политической систем, с помощью которых осуществляется процесс обмена информацией. В настоящий момент к средствам также относят коммуникативные действия или ситуации, группы или отдельных индивидов, способствующих обмену информацией (прямому или косвенному, опосредованному или непосредственному, немедленному или протяженному во времени) между управляющими и управляемыми и внутри этих групп[5].

В работах зарубежных авторов обычно выделяются три основных способа политической коммуникации: коммуникация с помощью средств массовой информации, в том числе печатных (пресса, книги, афиши) и электронных (радио, телевидение, Интернет и т.д.); коммуникация с помощью организаций, в частности, политических партий, которые служат связующим звеном между управляющими и управляемыми, и групп давления; коммуникация с помощью неформальных контактов. Однако к числу этих способов можно также отнести и особые коммуникативные ситуации или действия – выборы, референдумы и т.п. «В политической коммуникации, – как отмечают авторы англо-американского «Словаря политического анализа», – обыкновенно имеют дело с написанным или произносимым словом, но она может происходить и при помощи всякого знака, символа и сигнала, посредством которого передается смысл. Следовательно, к коммуникации надо отнести и символические акты – самые разнообразные. В значительной своей

части политическая коммуникация составляет сферу компетенции специализированных учреждений и институтов, таких, как средства массовой коммуникации, правительственные информационные агентства или политические партии. Тем не менее она обнаруживается во всякой обстановке социального общения, от бесед с глазу на глаз до обсуждения в палатах национального законодательного органа».

Как отмечает Г.Г. Почепцов, в целом система средств политической коммуникации достаточно обширна. Эффективность каждого из них определяется целями и мотивами коммуникатора, а также их ориентированностью на диалоговую модель сотрудничества с аудиторией. Причем возрастание доли адекватных интерпретаций сообщений общественно-политической направленности возможно в ситуации открытости мотивов коммуникации: когда коммуникатор либо не проявляет стремления воздействовать на аудиторию, либо не скрывает такого стремления при его наличии [6].

Можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день Интернет-технологии определяют потенциал политических коммуникаций, однако, требуют от последней не менее грандиозной перестройки. Эти возможности связаны, главным образом, с изменением характера самой политической коммуникации.

В условиях развития информационного общества происходит снижение издержек на получение и передачу информации, в результате постепенно увеличивается группа людей, имеющих возможность принимать участие в выработке и принятии политически значимых решений, открываются реальные предпосылки уменьшения неравенства политических возможностей граждан.

Одновременно с этим, при определенных условиях обеспечения равного доступа к сети, власть совершенствует само общество, способствует закреплению демократических стандартов на уровнях межличностного и межгруппового общения. В этом аспекте, применение Интернет-технологий выходит далеко за пределы простого информационного сопровождения функционирования политических институтов.

Список литературы

1 Петрунин, Ю.Ю. Политические коммуникации: учеб. пособие для студентов вузов/ под ред. Соловьева А.И. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 332с. – ISBN 5-7567-0361-6.

2 Шварценберг, Р.-Ж. Политическая социология: в 3 ч./ Р.-Ж. Шварценберг, Р. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – Ч. 3 – 285с. – ISBN 5-17-011143-6.

3 Посикера, Л.Р. Политическая коммуникация в условиях избирательных кампаний: Анализ концепций и технологий. Автореферат диссертации. – М.: Росс. академия госслужбы при Президенте РФ, 1994. С.3.

4 Carlson J. Television Entertainment and Political Socialization. In: Vermeer Jan. P. In "Media" Res: Readings in Mass Media and American Politics. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1995. P.47-55.

5 Алешина, И.В. Паблик рилейшнз для менеджеров / И.В. Алешина.– М.: ИКФ ЭКМОС, 2003. – 480 с. – ISBN 5-94687-010-6.

6 Почепцов, Г.Г. Паблик Рилейшнз, или Как успешно управлять общественным мнением / Г. Г. Почепцов.- 3-е изд., испр. и доп. - М. : Центр, 2004. - 336 с.

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЁЖИ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Приказчикова О.В., канд. ист. наук,
Кужабекова Ж.С.

Оренбургский государственный университет

На современном этапе российский государственно-правовой механизм решения вопросов занятости молодёжи, а также создание инструментов для молодежного предпринимательства является способом вовлеченности молодежи в трудовую сферу. Механизм государственно-правового обеспечения вопросов трудоустройства молодых представителей трудоспособного населения обеспечен Основами государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года [1].

Поддержка государством молодых бизнесменов осуществляется путем решения задач:

- 1) Вовлечения в предпринимательство молодых людей (18-30 лет);
- 2) Содействия созданию и работе молодежных предприятий;
- 3) Содействия при разработке, продвижении проектов, создании малых предприятий в сфере инноваций.
- 4) Содействия трудоустройству учащейся молодежи на объекты малого и среднего предпринимательства.

К субъектам особого внимания государства относятся молодые начинающие бизнесмены, а также учащаяся молодежь [2].

Однако, по мнению специалистов, анализирующих ситуацию на молодежном рынке труда, не смотря на то, что государство предпринимает определённые шаги для сокращения уровня безработицы среди молодых представителей трудоспособного населения, её уровень молодежной безработицы с каждым годом имеет тенденцию к увеличению.

Под термином «молодежная безработица» подразумевается явление в экономической и социальной сфере жизни общества, при котором трудоспособная молодежь в возрастной категории от 16 до 30 лет, имеющая желание и возможности трудиться по найму, не может реализовать свое право на труд.

При рассмотрении публичной политики в сфере занятости молодёжи мы определили задачи:

- выявить причины возникновения молодежной безработицы;
- рассмотреть основы правового обеспечения молодежной политики в сфере занятости;
- проанализировать данные опроса общественного мнения.

Опрос общественного мнения на тему «Социально-правовые вопросы безработицы среди молодёжи в России» был проведён на сайте НИНАОМ «Фокус-групп». В опросе принимали студенты и магистранты первых курсов

различных факультетов Оренбургского государственного университета, которым было предложено принять участие в индивидуальном и анонимном опросе. В анкетировании приняли участие 200 человек. Отвечая на вопросы, респонденты имели возможности оставить комментарий по теме. В анализе использовался комбинированный метод, позволивший характеризовать точки зрения респондентов [3].

Респондентам была предоставлена возможность определить основные причины безработица среди молодежи из предложенных вариантов. Мнения респондентов в процентном отношении показаны на рисунке 1.

Рисунок 1. Мнение респондентов о причинах безработицы в молодёжной среде

По мнению самой большой группы участников опроса (34 %) главной причиной молодёжной безработицы является политика предпочтений работодателями более опытных специалистов.

По мнению исследователей, работодатель предпочитает опытных специалистов, руководствуясь двумя причинами. Во-первых, на обучение новичка всем тонкостям работы на данном предприятии потребуется определённое время. А в случае если молодой специалист перейдёт на более высокую зарплату к конкурентам, может возникнуть и проблема с сохранением секретов производства или подготовки нового специалиста. Во-вторых, набор кадров с опытом работы в данной сфере гарантирует, четкое выполнение своей работы, на обучение данного специалиста не нужно тратить время и средства, что всегда негативно сказывается на экономическом состоянии предприятия.

Второй причиной проблем молодых людей в процессе трудоустройства, по мнению респондентов, является существующее несоответствие уровня подготовки молодых специалистов требованиям предъявляемым работодателем. Этот вариант ответа выбрали 23% респондентов. Действительно получая в образовательной организации в основном теоретические знания и лишь начальные практические навыки, молодые специалисты оказываются, не подготовлены к решению ситуаций возникающих на практике.

Необдуманный выбор профессии, также является причинами молодёжной безработицы, по мнению 18% респондентов. Вполне определено, что молодые люди стремятся получить более высокооплачиваемую профессию, а полученная профессия должна приносить моральное, удовлетворение, стабильность. При этом в современном российском обществе сложилось мнение, что профессии юриста, программиста, дизайнера, парикмахера востребованы и высокооплачиваемы. В процессе выбора места учебы и в дальнейшем работы молодые люди используют эти аргументы. Но получив, якобы востребованную профессию и они вынуждены работать не по специальности и часто на ниже квалифицированных профессиях, и с меньшей оплатой или вовсе не работают.

14 % принявших в опросе студентов главной причиной назвали завышенные ожидания от получаемой профессии. Как оказалось выбранная профессия не востребована на рынке труда или выбрана без учёта личных склонностей или возможностей.

7% респондентов выявили проблемы трудоустройства молодых женщин и 4% назвали причиной безработицы недостаточную информированность молодых людей о вакансиях на рынке труда.

Выяснив информированность и мнение респондентов о причинах молодёжной безработицы, вполне актуальным стал вопрос о негативных последствиях. Респондентам было предложено по своему усмотрению выбрать наиболее приемлемый вариант ответа. Мнения респондентов существенно разделились. Данные результатов опроса представлены на рисунке 2.

Рисунок 2. Последствия молодёжной безработицы

Самыми негативными последствиями молодёжной безработицы, по мнению 30 % принимавших в опросе студентов является снижение доходов экономического активного населения и это в последствие ведёт к обострению социальных проблем, молодые люди не могут обеспечить себя всем тем, что

необходимо для удовлетворения своих потребностей. Часто это бремя ложится на родителей и самих испытывающих материальные трудности.

По мнению 22% респондентов, последствием того что молодежь не сразу может найти работу по своей специальности, а приходится год-два-три работать в другой сфере наработать опыт. Следствием такого шага является то, что у молодого специалиста теряются навыки и знания, полученные в процессе обучения, которые по мере трудоустройства придется восстанавливать, но уже на платной основе.

Студенты, принявшие участие в опросе считают, что невозможность трудоустройства молодежи влечет за собой снижение объемов производства, такого мнения придерживается 18% опрошенных. Так как с молодыми специалистами тяжело открыть новое предприятие, которое будет приносить прибыль. А специалисты с опытом работы уже имеют свою стабильную работу и стабильную зарплату, и не хотят рисковать, переходя в новое предприятие, где риск закрытия и убыточности слишком велик.

По мнению 18 % респондентов невозможность трудоустройства молодых специалистов влечет за собой снижение объемов производства. 14 % респондентов считают, что не имеющая долгое время возможность выполнять трудовые функции экономически активная часть населения утрачивает интерес полученной профессии, а затем и к иной социально значимой трудовой деятельности.

5 % отметили, что у безработной молодёжи начинает развиваться асоциальное поведение: они связывают свою жизнь с различными сомнительными группами, усиливается пристрастие к употреблению алкоголя и наркотических средств.

Проанализировав причины и негативные последствия молодежной безработицы, по нашему мнению было необходимо выявить оценку студентами эффективности государственных мер для снижения её уровня и негативных последствий. Результаты ответов отражены на рисунке 3.

Рисунок 3. Меры способные привести к сокращению безработицы.

Самая большая группа респондентов - 32 %, отметили, что наиболее эффективной мерой сокращения молодежной безработицы является создание новых рабочих мест. Отметим, что эффективность указанной меры объяснима рядом факторов.

Во-первых, сокращение количества безработной молодежи позволит снизить уровень социальной напряженности в обществе и приведет к улучшению криминогенной ситуации в стране в целом.

Во-вторых, увеличение количества предприятий обеспечить рост налоговых поступлений в государственную казну.

В-третьих, увеличение выпуска продукции положительно повлияет на развитие экономики.

Решить проблемы безработицы, в том числе и молодежной, по мнению 18% можно посредством стимулирования работодателей, обеспечивающих работой молодых специалистов. В качестве таких мер можно предусмотреть налоговые льготы, безвозмездное предоставление в пользование земельных участков, снижение ставок по кредитам и другие.

Эффективной мерой, по мнению 12% респондентов является и создание инструментов самозанятости молодежи. Разумеется, для воплощения в жизнь принципов обеспечивающих благоприятную конкурентную среду государству необходимо оказывать всестороннюю помощь молодым предпринимателям, в том числе улучшение инвестиционного климата, финансовой поддержки, а также обучения и наставничества.

Выше перечисленные факторы вполне объясняют, что самая малочисленная группа студентов, всего 3 % поддержала вариант ответа «принцип образования в течение всей жизни». И думается, что респонденты

вкладывали в это понятие не приобретение каких-либо дополнительных профессиональных навыков или повышения квалификации, а имели в виду получение совершенно другой профессии.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в условиях рыночной экономики и оптимизации само понятие «молодой специалист», предполагавшее определённый социальный статус, ранее гарантировавший трудоустройство после окончания учебного заведения, а также дополнительные трудовые права и социальные гарантии, как то не установление испытательного срока при приёме на работу, невозможность увольнения в течение первых 3-х лет, право на льготную очередь при получении жилплощади и другие, ушло в прошлое.

Для осуществления рассмотренных мер и повышения их эффективности остро стоит вопрос правового обеспечения государственной политики направленной на обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи и содействие предпринимательской деятельности молодежи.

Принятые на сегодняшний день в России законодательные нормы не способны четко регулировать практическую работу государственных, региональных и муниципальных органов власти по обеспечению контроля за деятельностью предприятий призванных обеспечивать молодых специалистов достаточным количеством рабочих мест. А как свидетельствуют сигналы из различных российских регионов, напротив проводя оптимизацию, в первую очередь сокращают молодых и квалифицированных специалистов. При этом последние не имеют возможности найти другую соответствующую полученной квалификации и с достойной зарплатой работу. В условиях российской рыночной экономики молодые люди всё чаще сталкиваются с серьёзными проблемами при трудоустройстве и им трудно найти своё место в жизни.

При решении социально-экономических задач, стоящих перед российским обществом. На правительственном уровне неоднократно подчеркивалась важная роль молодежного бизнеса. Будем надеяться, что государственная политика в молодёжной сфере будет способствовать сокращению уровня безработицы путем создания рабочих мест, подготовки новых квалифицированных кадров, ускорению перехода страны к инновационному развитию. Инновации, как известно, это нововведения в любой из областей производства, управления и организации труда, способные повысить эффективность действующей системы. Кому, как не молодежи, осваивать инновационные сферы! В связи с этим государство обязано эффективно решать проблемы занятости молодёжи, ведь молодёжь - это будущее России.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской

Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/

2. Государственная политика в области молодежного бизнеса.- [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://indivip.ru/gov/molodezhnoe-predprinimatelstvo.html>

3. Кужабекова Ж.С., Приказчикова О.В. Социально-правовые вопросы безработицы среди молодёжи в России. НИНАОМ «Фокус-групп». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://фокус-групп.рф/socialno-pravovye-voprosy-bezroboticy-sredi-molodyozhi-v-rossii/>

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Ляшенко П.В, канд. филос. наук,
Лященко М.Н., канд. филос. наук
Оренбургский государственный университет

Актуальность исследования теоретико-методологических оснований изучения публичной власти связана как с важностью познания сущности этого социального явления, потребностью его концептуально-теоретического обоснования, так и со слабой освещенностью этого вопроса в современной политической науке. Несмотря на то, что публичная власть составляет ядро современной демократии, рыночной экономики и либерализма, а также определяет структуру всей общественно-политической системы, на сегодняшний день нет «полной и согласованной позиции относительно сущности и содержания понятия «публичная власть» [3, 172]. Следовательно, общетеоретический, комплексный анализ природы и сущности публичной власти, ее отдельных форм и видов имеет огромное значение для современной политической науки.

Обращаясь к теоретико-методологическим особенностям изучения публичной власти, необходимо обратиться к сущности власти как родового понятия. Исследование власти осуществляется в рамках различных научных школ и направлений, что позволяет многосторонне исследовать природу и содержание этого социально-политического явления. Отмечая сложность и многогранность феномена власти, В.Г. Ледяев подчеркивает, что «концептуальные дебаты, разумеется, будут всегда, но это не исключает возможности рационального сопоставления и оценки различных концептуализаций» [5, 523].

Как известно, современная западная политическая наука, исходит из четырех парадигмальных моделей власти: волюнтаристская модель, герменевтическая или коммуникативная модель, структуралистская модель, постмодернистская модель. Вместе с тем, вне зависимости от научного подхода и парадигмальной модели, природа власти связана с реализацией интересов, как конкретного человека, так и группы лиц. Современная политическая мысль разделяет интересы на частные и публичные, где последние характеризуются как «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [8]. Именно с реализацией публичного интереса связывается выделение публичной власти как ее особой формы. Однако отрицание «каких-либо интересов, не совпадающих с интересами общества и его главного авангарда, организующей и направляющей Коммунистической партии» [7, 39], существовавшее в советской науке, привело к определенной

путанице взглядов в определении понятия «публичная власть» и отсутствию единства подходов.

Первый подход, характеризует публичную власть предельно расширенно, трактуя ее как власть общественную. Так, по мысли Л.А. Григоряна, термин «публичная власть» означает то же, что и власть общественная [2, 16]. Вслед за ним М.И. Байтин утверждает, что «политическая, государственная власть представляет собой разновидность общественной, публичной власти» [1].

Согласно второму подходу, публичная власть – это синоним государственной и политической власти. По мнению И.М. Степанова, «публичная, т.е. политически организованная власть, есть власть господствующего класса». В свою очередь А.И. Ким пишет: «общественная и публичная власть не тождественны: тождественны же публичная и государственная власти, порожденным политическими отношениями» [4, 65]. Сужая термин «публичная власть» до отождествления с государственной властью, представители данного подхода отмечают, что публичная власть обеспечивает управление делами всего государства, определяя внутреннюю и внешнюю политику и регламентируя отношения между человеком, обществом и государством.

Современные исследователи, в отличие от своих предшественников, отмечают, что понятие «публичная власть» нельзя сводить ни к политической, ни к государственной, ни к общественной власти. Публичная власть призвана реализовывать именно публичные интересы общества и человека. Согласно мнению П.А. Минакова, «публичная власть – это институционализируемая легальная социальная власть, реализующая артикулированные общественные интересы территориально-организованного сообщества, консолидирующая данное сообщество в качестве целостной системы в соответствии с господствующими в обществе ценностями» [7, 47].

Обращаясь к сущности и значению публичной власти в современном обществе, Л.М. Мамут отмечает, что «Публичная власть удовлетворяет потребности общества, достигшего известной стадии исторической зрелости, в полномасштабной интеграции, в надлежащем упорядочении социального общежития, в управлении общественным целым». Благодаря ей, народ делается государственно-организованной коллективностью, публично-властной организацией. Эта организация (и организованность) наделяет народ такими специфическими чертами-качествами, которых нет у народа-населения и нет у народа-нации» [6, 36]. Следовательно, одной из сущностных особенностей публичной власти можно считать, ее функциональную направленность на разрешение социально-политических противоречий, гармонизацию и консолидацию отношений, создавших возможность формирования государственно-организованной коллективности, публично-властной организации. В этом контексте природа публичной власти нередко связывается с управлением, которое в зависимости от его научной трактовки как

отождествляется с публичной властью, так и рассматривается как ее отдельная функция, «имманентно присущая власти» [7, 61].

На сегодняшний момент нет единого мнения касательно формы реализации и содержания публичной власти. Как правило, исследователи отмечают зависимость публичной власти от ее субъекта и источника. Вместе с тем, трактовка публичной власти в контексте реализации общественных интересов территориально-организованного сообщества и консолидации сообщества в качестве целостной системы отражает реальное состояние российской государственности и демонстрирует единую цель органов государства и местного самоуправления.

Список литературы

1. Байтин, М. И. Государство и политическая власть [Текст] / М.И. Байтин. - Саратов: Издательство Саратовского университета, 1972. - 312с..
2. Григорян, Л. А. Народовласти в СССР [Текст] / Л.А. Григорян. – М.: Юрид. Литература, 1972. – 234 с.
3. Кашкаров, А. А. К вопросу об определении содержания «публичная власть» в современном демократическом обществе [Текст] / А.А. Кашкаров // Вестник Московского университета МВД России. – 2015 – № 9 – С.-172-175.
4. Ким, А. И. Государственная власть и народное представительство в СССР. [Текст] / А.И. Ким. – Томск: Издательство ТОМ, 1975. – 216 с.
5. Ледяев, В. Г. Современные концепции власти: аналитический обзор [Текст] / В.Г. Ледяев // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. – М.: Наука, 2000. – 674 с.
6. Мамут, Л. С. Народ в правовом государстве. [Текст] / Л.С. Мамут. – М.: Норма, ИНФРА-М, 1999. – 160 с.
7. Минаков, Л. С. Публичная власть: политологический аспект. [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01: защищена 22.01.07: утв. 15.07.07 / Минаков Павел Анатольевич. – Уфа, 2007. – 198 с.
8. Тихомиров, Ю. А. Публичное право. [Текст] / Ю.А. Тихомиров. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 496 с.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

**Никитина Т.А., канд. полит. наук, доцент
Оренбургский государственный университет**

Современный этап мирового развития характеризуется тем, что собственно информация, средства информатизации и связи, а также общественные отношения, складывающиеся в процессе сбора, обработки, хранения, передачи и распространения информации оказывают непосредственное и все более возрастающее влияние на экономическое, социальное и духовное развитие как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом. Это свидетельствует о том, что в современных условиях информация и управление ею становится основанием и главным инструментом достижения целей в новом мироустройстве. Следовательно, информационно-телекоммуникационные технологии стали одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века.

Наряду с очевидными благами мировая информационно-технологическая революция создала принципиально новые потенциальные угрозы жизнедеятельности как отдельных обществ, государств и их граждан, так и мирового сообщества в целом. В наибольшей степени это касается распространения идеологии экстремизма, мутация которого, по мнению специалистов, в наибольшей степени происходит именно в информационной сфере[1].

Быстрое развитие новых технологий существенно расширило возможности экстремистских организаций по манипулированию сознанием населения при подготовке и проведении террористических акций. При этом информационно-подрывная деятельность экстремистов может носить явный характер, и проводиться ими открыто, или осуществляться скрытно, вестись от имени экстремистских сил анонимно.

Исходя из этого, можно говорить о наличии особой информационно-коммуникативной стратегии экстремистских группировок, которая и отличает их от каких-либо иных повстанческих или диверсионных действий. Посредством подобной стратегии данные организации демонстрируют свою способность воздействия на органы государственной власти. Достижимый эффект в значительной степени зависит:

- от возможностей и особенностей функционирования в конкретном обществе каналов коммуникации;
- от характера появляющихся в средствах массовой информации сообщений;
- от способности СМИ представить случившееся как сенсацию[2].

Как показывает практика, киберэкстремизм направлен не только на нанесение ущерба интересам отдельных государств, но и на расширение

политического, экономического, идеологического влияния международных террористических организаций в мировом сообществе.

Развитие трансграничных электронных СМИ существенно расширяет возможности международных экстремистских организаций по манипулированию массовым сознанием. Такое, манипулирование, имея «мишенью» население нацеливается на изменение его сознания и поведения в выгодную для них сторону. При этом недостаточная информационная культура определенной части населения, слабая защищенность его от влияния экстремистской идеологии приводят к тому, что манипулируемые часто не сознают, что их мировоззрение идеалы, ценности, потребности и в целом образ мыслей во многом определяются антиобщественными интересами тех, кто ими манипулирует и стремится к господству над их духовным миром.

Современный информационный арсенал экстремистов насчитывает сотни приемов манипулирования с использованием СМИ, каналов межличностной, лично-групповой и межгрупповой коммуникации. Информационно-террористическая деятельность все чаще приобретает скрытый, изолированный, заказной и долговременный характер, хорошо обеспечивается материально, ее способы и методы постоянно оттачиваются и совершенствуются от одного террористического акта к другому.

Особую озабоченность вызывает возможность использования экстремистами новых и нетрадиционных информационных технологий для оказания скрытого информационно-манипулятивного воздействия на сознание и деятельность людей. Так, в частности, отличительной особенностью реализации информационно-коммуникативной стратегии экстремистов является активное использование возможностей глобальной сети Интернет[4].

Относительная дешевизна, простота и доступность современных средств информации позволяют террористам проводить свои деструктивные призывы, находясь на значительно «безопасном» расстоянии от объекта экстремизма, оставаться довольно длительное время безнаказанными. При этом наносится значительный материальный и моральный ущерб обществу, государству, личности.

Как показывает практика Интернет, электронная почта, системы цифровой телефонной радиосвязи обеспечивают экстремистам не только более широкие возможности для взаимодействия и пропаганды своих идей, но также для ведения информационных войн[10].

Об этом в частности свидетельствует появление нового вида преступной деятельности, получившей название «сетевая война» (netwar). Вести ее могут небольшие группы подготовленных кибертеррористов и даже одиночки географически отдаленные друг от друга, но тайно общающиеся между собой в «сетевом» формате. Теоретической основой такой деятельности является концепция «сопротивление без руководства», лидера американской радикальной организации «Крайние правые» Л. Бим. Согласно этой концепции все члены группы («ячейки-фантомы») действуют независимо друг от друга и

никогда не обращаются в центральную штаб-квартиру или к лидерам за указаниями. Предполагается, что они сами обязаны знать, что и как делать, реагируя на конкретные события. Информационную же подпитку они получают через анонимно распространяемые электронные бюллетени и страницы в Интернете[5]. Указанная форма организации, получившая название *networking* помогает экстремистам находить союзников, реализовывать свое влияние, а также осуществлять управление проводимыми операциями. Все это свидетельствует о том, что наблюдаемое в последнее время усиление влияния информационных технологий практически на все сферы жизнедеятельности человечества выдвигают задачу информационного противодействия в разряд основных задач борьбы с терроризмом.

Между тем современные реалии свидетельствуют о том, что информационное противодействие является одним из наименее разработанных направлений антитеррористической и антиэкстремистской деятельности как на уровне международного сотрудничества, так и непосредственно в Российской Федерации. Более того, само понятие «информационное противодействие» вплоть до настоящего времени не получило своего терминологического определения. По крайней мере, в официальных источниках сущность и содержание информационного противодействия терроризму не определены.

На практике же информационный аспект борьбы с экстремизмом предполагает лишь реализацию мер защитного характера. Реализация активных мер информационного противодействия угрозам терроризма в официальных документах не предусматривается. В целом, как показывает анализ, в Российской Федерации вплоть до настоящего времени нормативно-правовая база, регламентирующая информационное противодействие терроризму, особенно с использованием информационных технологий слабо разработана[6].

Исключение в этом плане представляют лишь ведомственные нормативные акты правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом (Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности и Национального антитеррористического комитета). Таким образом, само информационное противодействие терроризму носит ведомственный характер.

В настоящее время систему информационного противодействия терроризму в РФ составляют соответствующие структуры Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел и ряда других структур.

Наиболее целенаправленно деятельность по информационному противодействию терроризму осуществляется Национальным антитеррористическим комитетом.

С каждым годом ужесточается контроль за распространение информации в сети Интернет и, особенно, в социальных сетях. В рамках данной статьи уместно разобраться в вопросе о том, попадают ли, под действие статьи 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в которой «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» [9] рассматривают

как проявление экстремисткой деятельности материалы, в которых прямо не содержатся национальные или религиозные оскорбления, но в содержании размещенного материала присутствует провокационный или подстрекательский посыл ?

В судебной практике достаточно случаев привлечения к уголовной ответственности не только авторов экстремистских постов, но и тех, кто выставлял их на своих страницах (репост). Верховный суд РФ в ноябре 2016 года рекомендовал не возбуждать дела связанные с экстремистской деятельностью только на основании репостов в глобальной сети. Суд рекомендовал, учитывать в каком контексте появилась публикация и каковы комментарии к ней.

В качестве примера можно привести резонансное дело, произошедшее с журналисткой Смоленского портала Петрусевой Полиной. Она была привлечена к ответственности за снимок со свастикой. На своей странице в соцсети «ВКонтакте» журналистка выложила фотографию своего дома периода фашистской оккупации. Правоохранительные органы увидели опасность в изображении военного флага Третьего рейха, который был виден на документальном фото. В итоге Петрусеву оштрафовали на одну тысячу рублей за пропаганду и публичное демонстрирование нацистской символики[11].

В 2015 году на сайте Роскомнадзора опубликовано официальное объяснение, что изображение свастики, не предусматривающей своей целью пропаганду допустимо, при этом обратили внимание на запрещающий закон[13].

Рассматривая механизмы пресечения распространения идей экстремистов в глобальной сети интернет, нужно заметить, что превентивную работу с экстремизмом в сети Интернет активно ведут правоохранительные органы, МВД, Роскомнадзор и Федеральная служба безопасности. Однако, в данной ситуации стараний только государственных органов власти не достаточно, если они не будут поддерживаться гражданским обществом.

В контексте рассматриваемой проблемы гражданскую или общенародную ответственность за такие глобальные вопросы превенции экстремизма с глобальной сети не стоит перекладывать на тех, «кто за эту работу получает зарплату», а необходимо проявлять свою гражданскую позицию, информируя компетентные структуры о реальных фактах распространения материалов или призывов к осуществлению действий экстремистской направленности. Успешная реализация профилактических мер против экспансии экстремизма через информационные ресурсы осложняется такими факторами как:

- масштаб Интернет – пространства (ограниченный штат сотрудников уполномоченных органов не состоянии физически отслеживать все опасные сайты);

- сохранение анонимности человека распространяющего экстремистские материалы (используются «фейковые» страницы и специальные программы, не идентифицирующие пользователей);

- изменчивость и подвижность информации размещенной на страницах Интернет (возможность автора самостоятельно, в любое время удалять информацию до осуществления мер реагирования правоохранительными органами.) Не смотря на то, что материал удален, он успевает привлечь внимание пользователей и даже дестабилизировать ситуацию[15]. Нужно отметить, что, несмотря на существование вышеперечисленных сложностей, органы государственной власти пытаются оперативно реагировать на поступающие сигналы.

Например, в 2017 г. в городе Оренбурге к уголовной ответственности был привлечен гражданин Д.М. Морозов за публичные призывы в социальных сетях к осуществлению экстремистской деятельности. По сообщению официального сайта Прокуратуры Оренбургской области, 23-летний Морозов был осужден Ленинским районным судом г. Оренбурга и признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст.280, ч 1 ст.318 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, применения насилия в отношении представителя власти). Судом было установлено, что житель г. Оренбурга в ноябре 2016 г. разместил на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» для публичного просмотра фотографии с комментариями, которые призывают: к возбуждению национальной розни, нарушению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина по его национальной принадлежности, к воспрепятствованию законной деятельности органов власти, а также пропагандирующие исключительность и превосходство русской нации[7].

Нужно отметить, что значительную роль в антиэкстремистском правоприменении играет так же гражданско-правовой механизм запрета материалов на страницах в глобальной сети Интернет и отдельных файлах. Запрет налагается судебным органом по запросу прокуратуры. В данном вопросе интересны два аспекта. Во-первых, по запросу местной прокуратуры решение принимается местным судом данного населенного пункта, а действовать данное судебное решение должно на территории всей страны. Для информирования суд отправляет в Министерство юстиции России решение о запрете материала. Получив эти данные, Минюст вносит запрещенные материалы в Федеральный список экстремистских материалов (по техническим причинам, бывают задержки). Во-вторых, чаще всего суды рассматривают данные вопросы по упрощенной процедуре – установления факта признаков экстремизма в содержании материала. Данный подход не совсем, соответствует назначению ГК РФ, так как исключается возможность судебного спора, но он намного оперативнее [6].

Данный механизм запрета материалов в глобальной сети имеет множество несообразностей. На практике это проявляется в том, что список

быстрыми темпами увеличивается, ориентироваться в нем сложно, вникнуть в содержание пунктов еще сложнее. Однако определенная часть запрещенных материалов остается доступной для пользователей в сети Интернет. В итоге возникает риск, например, случайного репоста материала, который уже запрещен. Так же несообразность проявляется в затруднении идентификации материала. Для включения материала в Федеральный список, его необходимо описать и как то назвать, однако единых правил такого описания не существует. Книги, видео, картинки, файлы не описываются единообразно. Следовательно, даже при условии, что материал описан в Федеральном списке вполне адекватно (что бывает не всегда), он описан в конкретном названии. Например, если книга будет переиздана (причем без изменения содержания), это будет новый материал, и его надо снова рассматривать в судебном органе. Тем более это имеет отношение к размещению материала в сети Интернет. Копии (так называемые репосты) в глобальной сети тоже не обязательно тождественны. В таком случае сложно понять, запрещен или нет данный материал, размещенный онлайн [13].

Необходимо отметить, что в сети Интернет принципы выражения и ограничения свободы такие же, как и в любом общественном пространстве. Бытует мнение, что глобальная сеть создает бескрайнее пространство свободы. Разнообразные блоги соцсетей представляются вроде личного дневника. Публичность определяется просто, если опубликованный материал доступен для просмотра широкому кругу пользователей, то он считается публичным.

Теоретически определенные коллизии в СМИ можно считать разрешенными. Например, ВС РФ признал, что цитирование (или репост) экстремистских высказываний без поддержки их по существу, с целью обсуждения или осуждения, не равноценно этим высказываниям, суду необходимо оценить контекст цитирования. Выражение определенного мнения в виде шутки также не приравнивается к его высказыванию всерьез. Конечно же, СМИ не могут нести ответственность за комментарии пользователей, если они делятся своим мнением онлайн. Но тогда возникает другой вопрос, применим ли данный принцип к публикациям в сети Интернет, так как законодательство в РФ не приравнивает всю глобальную сеть Интернет к СМИ. Есть примеры, когда судьи не учитывали данный принцип ВС. Должны ли они его учитывать? Ответа нет...

Технические особенности сети Интернет ставят ряд вопросов, например, вопросы юрисдикции. Допустим, картинка или высказывание создавалось в государстве X (место проживания автора), публиковалось в государстве Y на сервере, который находится в государстве B, а смотрят и читают в государстве C, то юрисдикция какого государства в данном случае применима? Российская правовая система исходит из того, что правоприменение может быть в любой ситуации, если потерпевшими будут российские граждане или интересы российского государства. Например, совершено деяние ведущее к возбуждению национальной, религиозной ненависти и конкретного потерпевшего нет, то

объектом преступления можно считать интересы общества в целом. Следовательно, для обоснования юрисдикции России достаточно определить, против какой группы граждан России опубликовано данное высказывание. Но если противозаконное высказывание сделал гражданин России, в этом случае будет не важно, против кого оно было направлено и где территориально находится сервер [5].

Стилистические особенности сети интернет преподносят еще более уникальные коллизии. В социальных сетях зачастую используется пользователями грубый язык (не нормативная лексика), в то же время, традиционные СМИ рассматривают его как язык вражды. При этом, значительная часть интернет-пользователей данный язык воспринимают как норму. Вероятно, судья может разобраться, в какой коммуникативной ситуации делалось высказывание (например, участники привыкли к грубому обращению друг с другом), и соответственно какую дать оценку. Но в этом вопросе можно усомниться, насколько российские суды готовы разбираться в этих тонких вопросах[14].

Резюмируя, необходимо отметить, что киберэкстремизм является актуальной проблемой в настоящее время. Конечно же, решить данную проблему в глобальной сети Интернет только запретительными мерами невозможно. Экстремизм – это социально опасное явление, пагубно влияющее на общий климат социума. Через электронные СМИ, социальные сети и блогосферы он распространяется с невероятной скоростью, завоевывая все большее количество пользователей. В воспитании молодого поколения необходимо делать акцент на толерантности и гуманизме по отношению к разным национальностям, конфессиям и традициям.

Подводя итог, следует отметить, что глобальная информатизация всех сфер жизнедеятельности общества не повышает, а понижает степень его безопасности. Современный киберэкстремизм способен продуцировать системный кризис в любом государстве с высокоразвитой информационной инфраструктурой. В этих условиях уязвимость критических инфраструктур перестает быть проблемой каждого государства в отдельности. Это общая угроза, решить которую можно только совместными усилиями, выстраивая систему коллективной информационной безопасности с учетом современных угроз в киберпространстве.

Список литературы

1. Андреев П. Г. Информационный экстремизм в России. Проблема оказания правового противодействия // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2009. № 1. С.271-279.
2. Будущее Интернета //История компьютера [сайт]. URL: <https://mr-7.ru/articles/34536/> (дата обращения: 22.04.2019).

3. Варфоломеева Т.Н., Жусупов А.Р. Социальные сети и их воздействие на молодежную среду // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2(58). С. 916-919 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25603861> (дата обращения: 05.04.2019).
4. Денисов Ю. Д. Противодействие экстремизму в сети Интернет // Законность. 2009. № 6. С.3-7. URL: <http://lawlibrary.ru/article2106371.html> (дата обращения: 04.04.2019).
5. Зяблов Д. Н. Противодействие проявлениям экстремизма в сети Интернет // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5. С 12-18.
6. Лисина О. В. Проблемы противодействия молодежному киберэкстремизму в условиях интернет-социализации: вопрос нравственного здоровья подрастающего поколения // Теория и практика общественного развития. 2017. № 3. С.24-29.
7. Прокуратура Оренбургской области (официальный сайт) URL:<http://www.orenprok.ru/print?item=25723> (дата обращения: 04.04.2019).
8. Троегубов Ю. Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. № 3 (39) / 2014. URL: <http://www.orenprok.ru/print?item=25723> (дата обращения: 04.04.2019).
9. Информационно-правовой портал «Гарант» [информационный сайт]. URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 03.04.2019)
10. Интернет в странах мира. [информационный сайт]. http://www.bizhit.ru/index/polzovateli_interneta_v_mire/0-404(дата обращения: 03.04.19.)
11. Генпрокуратура отчиталась о противодействии экстремизму в интернете [информационный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6310744> (дата обращения: 03.04.2019)
12. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [информационный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news31736.htm> (дата обращения: 04.04.2019)
13. Центр Безопасного Интернета России [информационный сайт]. URL: <http://www.saferunet.ru/> (дата обращения: 04.04.2019)
14. Центр исследования компьютерной преступности [информационный сайт]. URL: <http://www.crime-research.ru/articles/cyber12991/> (дата обращения: 04.04.2019)

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА КАК КОНЦЕПТ

**Терентьева И.А., кандидат педагогических наук, доцент
Оренбургский государственный университет**

В конце XX - начале XXI века в трудах отечественных исследователей актуализировалась проблема публичной политики как развивающегося научного направления. Интерес ученых к данной проблеме (которая успешно исследуется в странах Запада), связана с практической стороной процесса принятия политических решений. В демократических государствах решение политических проблем невозможно без привлечения инструментов публичной политики.

Фундаментальные исследования публичной политики как научного направления получили свое развитие в США и странах Западной Европы. В странах Запада академическим сообществом издана научная литература, раскрывающая сущность и содержание публичной политики, показаны механизмы и инструменты её реализации [1].

В академической среде при осмыслении явления публичной политики отсутствует единый подход. Это можно объяснить тем фактом, что термин «политика» соответствует нескольким англоязычным терминам – politics (борьба за завоевание, удержание власти), policy (политико-управленческие решения) и polity (политическое сообщество, «мир политического») [2,4].

При выявлении сущности и содержания «публичное» также можно столкнуться с различными подходами к пониманию данного феномена. Public понимается как «общественный» (англо-русские словари, изданные в СССР, Российской Федерации), как власть, действующая в общественных интересах и с реальным учетом общественного мнения (страны Западной Европы).

Публичная политика связана с термином «администрирование». В среде отечественных ученых термин «Public Administration» понимается как «Общественное управление». В англоязычных странах термин является синонимом «Государственное и муниципальное управление», сущность которого сводится к пониманию администрации, действующей в интересах общества, под контролем общества, осознающей себя как производное от общества [5,6].

Осмысление публичной политики как феномена носит комплексный характер. По мнению исследователей, публичная политика представляет собой «сердцевину публичного действия во всей его совокупности» [1].

В осмыслении профессора Р. Роуз публичная политика - программа правительственного действия как «специфическая комбинация законов, распределение кредитов, администрации и руководимого персонала в интересах реализации совокупности целей, более или менее ясно определенных» [3].

Французский ученый Ж.- К. Тониг, исследуя публичную политику как концепт, говорит об исследуемом феномене как вмешательстве авторитета, «обличенного публичным могуществом и правительственной легитимностью, в определенную область общества или его территории». По мнению ученого, эти вмешательства могут приобретать три основные формы: публичные политики передают содержание, получают выражение в пособиях и приводят к результатам. Они осуществляют мобилизацию деятельности и процессов труда. Они реализуются через отношения с другими социальными коллективными и индивидуальными акторами [1,с.6].

По мнению политолога Е. Пэйдж, публичная политика это комплекс элементов: принципы, цели, конкретные меры и практические действия [3].

При анализе публичной политики как концепта исследователи осмысливают данный феномен как последствия действий и его рационализация, как пространство переговоров по поводу социальных интересов, как продукт деятельности по осуществлению политики, как взаимодействие между акторами и институтами, как отношения между секторами рынка [3].

Ю. Хабермас рассматривает публичную политику в широком и узком смысле. В узком смысле - это пространство социальной действительности, в которой происходит формирование общественного мнения, а в широком смысле - это взаимоотношения государства и общества, выраженные через совместные действия, направленные на социально-значимый результат [10].

Среди российских исследователей анализу феномена публичная политика посвящены работы Н.А. Шматко, А.Ю. Сунгурова, С.П. Перегудова, Ю. А. Красина и др. В своих работах ученые отмечают своеобразие российской публичной политики, что влияет на проявление публичности.

А.Ю. Сунгуров в своих работах осмысливает публичную политику как «governance», понятие, перевод которое также пока не имеет общепринятого перевода на русский язык.

Автор акцентирует внимание на том, что одним из вариантов перевода является «управление без управляющих». Автор определяет критерии публичности власти: прозрачность, нацеленность на решение проблем населения, эффективность деятельности, наличие доверия населения к власти в целом и к ее отдельным ветвям и институтам.

Научный коллектив авторов кафедры публичной политики НИУ ВШЭ сформулировал следующее определение понятия: «Публичная политика предполагает соответствие государственной политики общественным нуждам, взаимодействие государственных и негосударственных структур на всех стадиях принятия, реализации, контроля и оценки результатов государственных программ, проектов и решений» [1,2,4,5,6].

Соглашаясь с мнением авторов, мы придерживаемся позиции, что публичная политика - это процесс подготовки, обсуждения, принятия и реализации властных решений, направленных на решение важных для

государства и общества проблем. В данном процессе задействованы различные акторы публичной политики: власть, бизнес-структуры, академические сообщества, ассоциации, неправительственные организации и т.п.

Исследование феномена публичной политики остается актуальным научным направлением. Актуализация проблемы обусловлена необходимостью теоретического обоснования и практической реализации механизмов её реализации в процессе принятия политических решений в условиях современного российского общества и государства, что послужит фундаментом для развития демократии и правового государства.

Список литературы

1. Публичная политика: понятие, акторы, публичное действие : учебное пособие / В.В. Желтов, М.В. Желтов. Кемерово : КГУ, 2013. С. 9
2. Сунгуров А.Ю. Публичная политика: основные направления исследования (мировой и российский опыт) // Публичная политика. 2017. № 1. С. 8 - 28.
3. Page E. C. The Origins of Policy // The Oxford Handbook of Public Policy / eds M. Moran, M. Rein, R. E. Goodin. Oxford; New York: Oxford University Press. 2006. P. 213.
4. Публичная политика - 2008 : сб. ст. / под редакцией М. Б.Горного и А.Ю. Сунгурова. СПб. : Норма. 2008. 208 с.
5. Публичная политика - 2011 : сб. ст. / под редакцией М.Б.Горного и А. Ю.Сунгурова. СПб: Норма. 2012. 176 с.
6. Публичная политика - 2014 : сб. ст. / под редакцией М. Б. Горного, А. Ю. Сунгурова. – СПб. : НОРМА. 2015. 176 с.
7. Якимец В. Н. Публичная политика в регионах России: индекс оценки, межрегиональные сравнения и направления развития // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. №1. С. 59-67. URL : <https://rucont.ru/efd/459359> (дата обращения 04.05.2019).
8. Шматко Н.А.. Феномен публичной политики // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 106-112.
9. Управление публичной политикой [Электронный ресурс] : монография / под ред. Л.В.Сморгунова. М : Аспект Пресс. 2015. 320 с. URL : <https://e.lanbook.com/book/102854> (дата обращения 04.05.2019).
10. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества / Ю. Хабермас. М.: Изд-во «Весь Мир», 2016. 344 с.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ФИНАНСОВОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Черепова Ирина Сергеевна, старший преподаватель
Оренбургский государственный университет**

Одним из основных средств развития личности и ее социализации выступает образование. С точки зрения знаниево-ориентированного подхода (когда в центре внимания находятся знания как отражение духовного богатства человечества, накопленного в процессе своего развития) оно определяется как «совокупность систематизированных знаний, умений и навыков, взглядов и убеждений, а также определенный уровень развития познавательных сил и практической подготовки, достигнутый в результате учебно-воспитательной работы» [6, с. 19]. С точки зрения личностно-ориентированного содержанием образования считается педагогически адаптированная система знаний, навыков и умений, опыта творческой деятельности и опыта эмоционально-волевого отношения, усвоение которой призвано обеспечить формирование всесторонне развитой личности, подготовленной к воспроизведению (сохранению) и развитию материальной и духовной культуры общества.

Многообразие подходов к содержанию образования свидетельствует о его полиаспектности как социальной системы. Роль образования в обществе всегда была ключевой, но в современных условиях приобретает еще большее значение, занимая центральное место в стратегиях развития государств. Не последнюю роль в этом играют кризисные явления, характеризующие современное состояние мировой экономики, в преодолении которых преуспеют, по мнению многих экспертов, те страны, которые сделают ставку на качественное образование и внедрение высоких технологий. Так, в рамках развернувшейся в европейской экономической литературе дискуссии о новых индикаторах ВВП предлагается включить в их число факторы, характеризующие именно образование. Данная позиция присуща, главным образом, немецкой науке, что обусловлено экспортноориентированностью системы образования ФРГ [5, с. 40].

В контексте отношения системы образования и государства очевидной является взаимосвязь между этой системой и концепцией социального государства [3, с. 51]. Здесь необходимо отметить, что в действующей Конституции установлено, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб,

устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Роль и место образовательной системы в современном обществе определяют основные требования, предъявляемые к ней: она должна обладать стабильностью и одновременно возможностью динамичного развития, что требует соответствующей законодательной регламентации. К настоящему времени можно констатировать окончание становления системы такой регламентации, в основе которой изначально лежало два законодательных акта: Закон РФ от 10 июля 1992 года № 3266-1 «Об образовании» и Федеральный закон от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Оба закона утратили силу в связи с принятием общего кодифицированного законодательного акта в области образования – Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1].

Специфика финансово-правового исследования определяет необходимость остановиться на значении образования в национальной экономике. Данный вопрос имеет два взаимосвязанных аспекта рассмотрения. С одной стороны, система образования является если не единственным, то, по крайней мере, основным источником квалифицированной рабочей силы, которая признается одним из основных факторов общественного производства. В этом вопросе едины как представители классической и неоклассической экономической теории, так и марксистской политэкономии. С другой стороны, современное образование – высокочрезвычайно затратная социальная система, решающая не только экономические (подготовка квалифицированной рабочей силы), но и иные задачи. Так, например, именно общая социализация индивида является основной задачей образования, но как раз она находится вне рамок общественного производства. В результате основная доля затрат на образование ложится не на хозяйствующих субъектов – потребителей рабочей силы, а на общество, которое изыскивает необходимые ресурсы через государство, местное самоуправление, специализированные институты гражданского общества. Именно последний аспект представляет интерес для финансово-правовой науки.

Здесь также следует обратить внимание на то, что мировой кризис высветил ряд недостатков проводившихся ранее образовательных реформ, а еще в большей степени – изъяны самой рыночной экономики. Во многих странах мира безработица ударила прежде всего по молодым, причем весьма образованным: как заметил К. Скотт из Ливерпульского университета: «выпускники будут протестовать, поскольку все то, что им обещали, не исполнилось, им всегда внушали, что высшее образование обеспечит лучшую жизнь, а сейчас это уже мало что значит» [3, с. 51]. В Великобритании каждый пятый уверен, что не найдет работу, каждый четвертый – что будет жить на госпособие, а семеро из десяти уверены, что их потенциал не будет востребован. И все же и там признают, что без образования еще сложнее, а в

перспективе, с учетом старения населения (в 2010 г. 16,6 % населения Англии – лица старше 65 лет, к 2050 г. их будет 23,6 %), повысятся требования к квалификации, усилится интенсификация труда, конкуренция, если говорить только об экономике, а не в более широком социальном плане [3, с. 53]. К аналогичным выводам еще в конце XX века приходил Л. Туроу, при этом отмечавший: «... в эпоху искусственной интеллектуальной промышленности капитализму будут нужны долговременные общественные инвестиции в исследование и развитие, в образование и в инфраструктуру...» [12].

Хорошее образование в современных условиях не гарантирует молодым людям успешной карьеры ни в западных странах, ни в России. В результате многие проблемы современной системы образования связаны с отсутствием мотивации, т.к. у выпускников (в Российской Федерации ежегодно получают аттестаты порядка 1,5 млн. человек) мало шансов найти стабильную и высокооплачиваемую работу, даже закончив престижный вуз. Но еще труднее будет тем, кто не сможет оплатить себе полноценное обучение. Несомненной тенденцией последних десятилетий является расширение сферы платного образования: достаточно вспомнить Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [2], в котором за образовательными учреждениями закреплено право на осуществление деятельности, приносящей доход.

При этом во многих странах продолжается пересмотр прежних представлений о ведущей роли государственного аппарата в социальной политике, в том числе образовательной: очевидным становится отхода от государственного патернализма, разгосударствление образования (прежде всего высшего). В своих теоретических разработках западные исследователи все чаще приводят доводы в пользу иного подхода, в котором значительное место государства сочетается с экономической эффективностью; доказывается, что привнесение рынка в образование не ведет к росту гарантированной эффективности образовательной системы, а политику государственных инвестиций в человеческий капитал предлагают рассматривать в качестве стратегического инвестирования в рыночную экономику [8, с. 137]. Специальные исследования показали, что дополнительные инвестиции в образование детей из малообеспеченных семей, например, позволяют преодолеть бедность, повысить стартовые возможности таких детей, тем самым способствуя социальной стабильности и развитию.

Дальнейшее развитие общества в современных условиях требует новых знаний и технологий, что может быть достигнуто только в результате совершенствования образования, которое приобретает «статус глобальной проблемы современности» [4, с. 5]. Стоит подчеркнуть, что в современном обществе, основанном на идее прогресса, реформирование образования является процессом перманентным, поскольку научно-техническое развитие требует и соответствующих новых подходов к обучению и воспитанию

населения. Однако совершенствование, или реформирование, образования предполагает сохранение и приумножение всего того, что положительно зарекомендовало себя в прошлом. Любые новации должны опираться на лучшие наработки предшествующего периода и предлагать новые подходы, оптимальные и новаторские, отвечающие вызовам времени.

Следует отметить, что в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. были поставлены цели применительно к развитию системы образования, а также были обозначены средства их достижения, среди которых следует отметить:

- 1) перевод бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации на программно целевой метод формирования и исполнения;
- 2) разработка системы ценообразования на рынке образовательных услуг;
- 3) установление обоснованного соотношения между бюджетным финансированием образовательных организаций и их «собственными доходами»; и др.

В завершении настоящего параграфа следует отметить, что современная история отечественной системы образования (с момента распада СССР) характеризуется тем, что эта система находится в постоянном состоянии реформирования. Данное обстоятельство не является национальной особенностью, аналогичные процессы присущи и иным странам, будучи обусловлены тем, что потребности научно-технического и социального развития обеспечиваются перманентными преобразованиями в образовательной сфере.

В постсоветской образовательной реформе в России следует выделить три основных этапа: 1) 1992 – 2003 годы; 2) 2003 – 2013; 3) 2013 год – настоящее время.

Первый из них был обусловлен необходимостью обеспечить переход от советской системы образования, обслуживающей потребности административно-командной системы хозяйствования, к российской, которая функционирует в условиях рыночной экономики. В основу нормативно-правовой базы системы образования в этот период была положена модель, предполагающая принятие рамочного закона, определяющего общую систему образования, специальных законов, регламентирующих отдельные виды образовательной деятельности, а также подзаконное и локальное регулирование. Следует отметить, что описанная модель не была до конца реализована: из специальных законов был принят только Закон «О высшем и послевузовском образовании».

На втором этапе предполагалось, отказавшись от системы образования переходного периода и регламентирующего его законодательства, перейти к системе образования, правовая основа которого соответствовала бы потребностям рыночной экономики. На данном этапе также решался вопрос приведения национального законодательства об образовании в соответствие с принятыми на себя Российской Федерацией международными обязательствами

(в первую очередь речь идет о Болонском процессе). Предыдущий период продемонстрировал неэффективность законодательной модели рамочного и специальных законов. В результате был принят кодифицированный акт, регулирующий образовательную деятельность в целом, каковым стал новый Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», вступивший в силу 1 сентября 2013 года.

Одновременно вступление в силу указанного Федерального закона ознаменовало третий этап реформирования национальной системы образования, на котором должна произойти синхронизация законодательства об образовании с иными отраслями национального законодательства, в том числе в части финансового обеспечения образовательной деятельности.

Список литературы

1 Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть 1). Ст. 7598.

2 Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2291.

3 Гаврилова, И. Н. Новая образовательная политика России: вопросы к размышлению // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 51-54.

4 Горшков, М. К. Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: ИС РАН, 2011. 259 с.

5 Дегтмер, М. Что считать мерилем благосостояния страны // Профиль. 2011. № 35 (734). С. 40-43.

6 Педагогический словарь: в 2-х томах. М., 1960. Т. 2. 312 с.

7 Политическая экономия. М., 1954. 156 с.

8 Шпаковская Л.Л. Политика высшего образования в Европе в XX веке: от государства к рынку // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 4. С. 514.

9 Янова, В. В. Экономика. М., 2005. С. 98-102.

10 Marshall A. Money, Credit and Commerce. N-Y. 1922. 47 p.

11 Morlay S., Coady D. From Social Assistance to Social Development: targeted education subsidies in developing countries. Washington: Center for global development, 2003. P. IX.

12 Thurow Lester C. The Future of Capitalism. How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World. Penguin books, 1997. 107 p.